

закрепляя отграничение указанных понятий в уголовном законе, создавая определенный пробел и тему для дискуссии. Необходимо также заметить, что на данный момент мы можем говорить, что под существенным вредом в ст. 203-1 понимается нарушение конституционных прав, свобод и законных интересов гражданина, но представляется необходимым учитывать и материальный ущерб, который может быть причинен гражданину из-за незаконных действий в отношении персональных данных.

Уголовный закон, включая специальные нормы, касающиеся посягательств на персональные данные, не дает также четкого объяснения, что именно нам следует понимать под термином «персональные данные» в контексте уголовно-правовой науки. В свою очередь, это приводит к тому, что указанные нормы по своему характеру являются бланкетными и отсылают нас к определению из соответствующего нормативного правового акта. Так, Закон в качестве определения персональных данных в первую очередь использует формулировку «любая информация». Такая трактовка, безусловно, позволяет классифицировать слишком широкий перечень данных как персональных. Многие из таких ошибочно отнесенных данных будут уже являться предметами иного посягательства в соответствии с УК, что порождает существенную актуальную проблему и дискуссию.

Законодатель, предприняв попытку усовершенствовать уголовно-правовую охрану персональных данных и привести нормы в соответствие с тенденциями развития информационного общества, не разрешил актуальные вопросы: не определены отграничивающие признаки информации о частной жизни от персональных данных, не определен существенный вред в рамках ст. 203-1 и 203-2. Кроме того, остается открытым вопрос о дефиниции персональных данных как предмета преступления в УК Республики Беларусь. Присутствующие ранее как минимум в трех законах отличающиеся друг от друга понятия персональных данных были сведены к единому определению, закрепленному в Законе «О защите персональных данных» (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 209-З «Об изменении законов по вопросам обработки персональных данных»), что все же не решило имеющихся актуальных проблем из-за чрезмерно широкого понимания этого ключевого понятия.

Кошелева А. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЯНТАРНОЙ ОТРАСЛИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

*Кошелева Арина Андреевна, магистр 2 курса Высшей школы права
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта,
г. Калининград, Россия, kingarink007@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Цирит О. А.

Современная политика идет по пути реформирования уголовного закона с использованием довольно гуманных средств, но отличается непродуманностью, асистемностью, нуждаясь в качественной научной и

профессиональной экспертизе. Криминализация незаконного оборота и добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней послужила определенным инструментом предупреждения правонарушений в указанной области, но все еще далека от процессуальной эффективности. В научном сообществе отмечают, что выбор законодателем инструментов уголовно-правовой охраны общественных отношений, направленных на сохранение данных природных ресурсов и организацию законного порядка их оборота, далек от оптимального, их содержание не способствует формированию успешной и стабильной судебной и следственной практики. Проблемы, детерминируемые новыми редакциями ст. 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), проявляются в большинстве элементов составов данных преступлений.

Во-первых, законодатель расположил указанные статьи в разных главах УК РФ, что подразумевает охрану разных объектов. Так, незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ст. 191 УК РФ) расположен в главе 22, следовательно, видовым объектом будут общественные отношения в сфере экономической деятельности. Состав самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ) расположен в главе 26, где в качестве видового объекта будут общественные отношения в сфере экологии. На практике эти преступления совершаются чаще всего одними и теми же преступными группами, конечная цель которых получение прибыли от продажи указанных предметов. Так, янтарь используют в медицине (препятствует гемолизу – разрушению эритроцитов, применяется как противовоспалительное и антитоксическое средство), в промышленности (является диэлектриком, позволяет изготовить изоляторы в электро и радиотехнике, входит в состав лаков и эмалей, которыми покрывают корабли, музыкальные инструменты и т. д.), что доказывает его ценность на рынке как в России, так и за рубежом. В начале 2022 г. в Калининградской области была задержана организованная преступная группа, незаконно вывозившая янтарь в Литву, стоимость которого оценивается в 20 млн. рублей. Ранее большую известность в Калининграде получила криминальная группа под руководством Виктора Богдана, полностью контролирующая янтарный рынок. В настоящее время правоохранительными органами активно ведется пресечение незаконной деятельности на стадии добычи янтаря в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Учитывая криминологический аспект, в янтарной отрасли есть даже определенная классификация преступных сообществ, например, для категории «преступный янтарный синдикат» характерно четкое разделение ролей в процессе добычи янтаря, а затем его сбыта, он занимается легализацией доходов от незаконной добычи янтаря, а также лоббированием преступных целей в государственном секторе.

Таким образом, в рассматриваемых составах преступлений больше прослеживаются экономические отношения, нежели экологические, о чем также утверждает в своих исследованиях А. А. Котова. На наш взгляд,

логичнее было бы расположить вышеуказанные составы в рамках одной главы «Преступления в сфере экономической деятельности».

Во-вторых, немаловажной является проблема подсчета ущерба. В целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ крупный размер составляет 2 млн. 250 тыс., а для ч. 3 ст. 255 УК РФ – 1 млн. рублей. Не совсем понятно, почему такая большая разница, что, на наш взгляд несправедливо, поскольку мы охраняем один объект, как мы выяснили ранее. Считаем, что необходимо привести все к единому знаменателю – 1 млн. рублей в целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ и ч. 3 ст. 255 УК РФ. Вместе с тем рассматриваемые квалифицированные составы почти не применимы, поскольку законодателем определены лишь суммы, но не разработаны методики подсчета, которые, как правило, утверждаются отдельным Постановлением Правительства РФ. Полагаем, что в основу проекта такого Постановления можно положить стандарт по классификации и требованиям к качественным, весовым и размерным характеристикам янтаря, разработанный Калининградским янтарным комбинатом (СТО от 30.09.2022). Для разработки оценочной стоимости привлечь специалистов в области янтарного производства и продажи. Наличие такого документа позволит выработать единые критерии, формирующие правоприменительную практику.

Исходя из вышеизложенного, проведенный нами анализ уголовно-правовых норм в сфере янтарной отрасли позволяет говорить о несовершенстве юридической техники, чем вызвана необходимость внесения дополнительных изменений в ст. 191 и ст. 255 УК РФ. Предложенные нами меры направлены на решение выявленных проблем.

Кукреш А. Г.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Кукреш Александра Геннадьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kukresh.01@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Понятие «посредничество во взяточничестве» было закреплено еще в советском уголовном законодательстве. Как самостоятельное преступление оно регламентировалось по УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК БССР 1928 г. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», заменившем одноименное постановление от 31 июля 1962 г., посредничество толковалось более узко: посредником считалось лицо, которое, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, непосредственно передавало предмет взятки. Стоит отметить, что данное определение уже не охватывало различные виды интеллектуального посредничества, которые в соответствии с данным постановлением рассматривались как соучастие во взяточничестве.

Аналогичное разъяснение было закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». Следует отметить, что в данном постановлении возникла